

Copyright © 2014 by Academic Publishing House *Researcher*

Published in the Russian Federation
European Researcher
Has been issued since 2010.
ISSN 2219-8229
E-ISSN 2224-0136
Vol. 88, No. 12-1, pp. 2062-2068, 2014

DOI: 10.13187/er.2014.88.2062
www.erjournal.ru

UDC 93/94

Historical Truth in Poetry: Napoleon in the Verses of Voloshin, Tyutchev, and Pushkin

Ivane Sh. Menteshashvili

National Museum of Georgia, Georgia
Doctor of Historical Sciences, Professor
E-mail: imenteshashvili@gmail.com

Abstract

This article examines the degree to which one can illustrate in poetry a historical phenomenon vested in an artistic form. Here the author looks into the verses of Voloshin, Tyutchev, and Pushkin: “Bonaparte”, “Napoleon”, and “Hero”. These verses bring to light Napoleon’s personality and the historical environment in which he had been working. In each of the verses, Napoleon is portrayed as a carrier of immense romantic energy, thanks to which he leaves such an ineffaceable, meteoric trace in history, and is depicted as steeped in some kind of romantic enchantment. At the same time, each of the verses brings to light the various aspects of the Napoleonic era and his deeds. Voloshin draws a colorful picture of the Great French Revolution and social-political upheavals inherent in it, within the depths of which, under the canopy of Providence, there is born a new phenomenon that is set to become in the near future an embodiment and carrier of the will of world history. Tyutchev portrays Napoleon as already quite a full-fledged phenomenon of history, a child of the revolution, which engages in a desperate and, at the same time, hopeless struggle with his “mother”, a struggle in which the hero is doomed to a tragic end. Whereas Pushkin in his verse, in the form of epic truth typical of him, presents a retrospection of the entire Napoleonic era and the whole amplitude of the activity of this phenomenal personality. And what is depicted as most remarkable, in terms of eternalizing him, is a fact that sort of stands out among a multitude of great deeds: Napoleon’s handshake with a plague-stricken man at a hospital in Egypt intended to elevate his fighting spirit. It may seem that greatness is shown here as a “non-heroic” deed, which, in turn, is a demonstration of the use of an ingenious medium by a great artist to portray greatness in what may seem as something little noticed, which is what is eternal.

Keywords: Napoleon Bonaparte; power; hero; revolution; political psychology.

Введение

191 год тому назад умер человек, который в свое время пытался заполнить собой историю, весь мир. Наполеон, ушедший в небытие, будучи на далеком, затерянном в океане острове, по-прежнему заставляет задуматься о себе. Уже при его жизни о нём написаны тома, поставлены спектакли, а в наше время сняты кинофильмы. Но при всем изобилии источников, повествующих об этом замечательном человеке, нельзя не восхищаться теми

произведениями, где предельно кратко и в то же время исключительно правдиво и образно переданы самые существенные стороны эпохи, которую справедливо называют наполеоновской. Указывая на единство истории и поэзии, замечательный русский критик В.Г. Белинский в качестве примера для своего обобщающего положения сослался именно на Наполеона, указывая, что Наполеон лицо поэтическое не только под Тулоном, в Египте, под Аустерлицем, под Маренго, но и в Москве, и на острове Эльба, и при Ватерлоо, и на острове Св. Елены, и в доме инвалидов в Париже ... (2, с. 504).

Обсуждение

Наполеон, его личность и деяния самым замечательным образом отражены в русской поэзии XIX* в. В обширной тематике, где каждое произведение состязается друг с другом в глубине художественно-философского осмысления вопроса, можно выделить стихи - сочетающие в себе историческую правду, высокую художественность образов и красоту формы.

Ссылаясь на отражение принципов историзма в поэзии, на их представление в поэтической форме мы хотим обратиться к трём стихотворениям. Это «Бонапарт» Волошина, «Наполеон» Тютчева и «Герой» Пушкина. Каждое из этих замечательных творений служит образцом раскрытия различных историко-философских принципов.

Если искусство отображает мир в определённом аспекте, с точки зрения задач конкретной деятельности человека (1, с. 99), то эти произведения пленяют глубиной отражения исторической ситуации, места и роли, которую выполняют конкретные исторические личности в указанных событиях и высокой художественной формой изложения.

Наполеон Бонапарт

«Не будь Руссо, не было бы революции, не будь революции, стало быть, не было бы и меня». Эта фраза, произнесённая в своё время Наполеоном ещё раз подтверждает историко-философский тезис о том, что великие исторические события не являются случайно или вдруг, а являются необходимым результатом предшествовавших событий. Поэтому историю Наполеона следует раскрывать с осмысления революции, противостояния Горы и Жиронды, террора и т.д.

Наполеон, порожденный революцией, ее детище, единственный, кому удалось взнудать это бурное, потрясшее весь мир явление, чей стремительный, бурный поток

* Ментешавили И. Ш. Наполеон в русской поэзии XIX в. // На холмах Грузии. Литературный альманах. 2006. №3. С. 94-101.

сметал все на своем пути, являет собой образец того, как в недрах одного явления незаметно появляется герой, которому суждено взять бразды правления в свои руки. Революционные бури, буйные страсти разъяренной массы, порой переходящие в самые жестокие и ужасающие действия должны были смириться перед «посланником провиденья» (А.С. Пушкин).

Именно эта идея раскрыта в стихотворении Максимилиана Волошина «Бонапарт», написанном в 1917 г. Мастерски лаконично, не убавляя яркости при изложении отдельных моментов исторического события и описании портретов его участников поэт дает полную картину падения монархии во Франции 10 августа 1792г. Поразительны яркость и мощност описания истории штурма королевского дворца, сопряженных с этим событий и характеристика участников этого великого политического потрясения. Здесь и Марат, наводивший на всех страх своими ультралевыми лозунгами; еще не обретший уверенности в себе Робеспьер, противопоставлявший врагам революции пока только лишь пропаганду республиканских добродетелей; Жиронда, выжидавшая и даже в какой-то степени дрогнувшая, ибо жирондисты чувствовали, что почва ускользает у них из под ног, потому что ставка Жиронды на короля провалилась. Венчает этот групповой портрет поистине несравненная в плане художественного образа фраза «...водоворот взметенных толп и львиный зев Дантона». В этих строках с исключительным мастерством передана бурная и в то же время неустойчивая политическая обстановка, за которой последовали интервенция коалиции европейских держав, падение Лонгви и Вердена, набор добровольцев и знаменитый, буквально ставший легендой призыв Дантона: «Смелость, смелость и ещё раз смелость!», как главное средство спасения отечества.

На фоне этого грандиозного потрясения, объятых одновременно заревом свободы и крови, полного радужных надежд и порой самых безумных страстей, вырисовывается образ человека, затерянного в толпе. Он сохраняет спокойствие, навеянное провидением, чья всемогущая длань простёрлась над ним. Поэтому он сохраняет хладнокровие. А то, что он не замечен ни кем еще более усиливает завесу таинственного предопределения. И наверно именно поэтому, что на него возложена миссия усмирить буйство толпы, ее бурные страсти, герой в мастерски изложенном заключении поэта «Досадует, что нету под рукой, двух батарей, рассеять эту сволочь».

Наполеон Волошина – это вовсе не один из многочисленных и даже почти что незамеченных персонажей революционных бурь. Его предшественники с калейдоскопической скоростью сменяли друг друга на политическом небосклоне. Ускорившая во времени события революция в то же время не щадила порожденных ею же деятелей и в силу принципов эгалитаризма сметала с политической авансены любого, кто хоть немного прельщался жадной возвышения. В стихотворении Волошина в тех строках, в которых описывается Наполеон содержатся философские обобщения, которые придают конечному отрезку произведения мощь завершающего аккорда. Покров таинственности полностью соответствует принципу, согласно которому «... гений остаётся неуловимым в своём основании и необъяснимым в своей сущности» (4, с. 83). Вглядываясь в описанного Волошиным героя мы улавливаем, что на фоне всех вышеуказанных событий его образ носит характер того деятеля, который придав различным новшествам связанность, стройную форму и определённое направление, будет ожидаемым великим человеком (4, с. 48).

Волошин наводит нас на историко-философское положение, согласно которому великий человек не выдумывает себе дело, но находит его во времени, в известном моменте диалектического движения мысли, исторически развивающейся в событиях (2, с. 232). Он ждёт своего часа, он не опережает события. Наполеон наверно мог стать вожаком какого-либо движения в каком-либо конкретном моменте, но его величие состоит хотя бы только в том, что он не измелчал, не стал гоняться за «мелкой добычей» в потоке общественных бурь. Ведь сразу после Тулона ему была предложена должность командующего Парижским гарнизоном. «В Париже труднее снести голову, чем в армии. Ещё не время. Потерпите. Я позже буду командовать Парижем» - ответил Наполеон на вышеуказанное предложение Огюстену Робеспьеру (8, с. 67). Ну а позже, почувствовав, что «груша созрела» (8, с. 181) он не колеблясь, сделал решающий шаг и на этот раз революция, в лице «новорожденной

свободы, вдруг онемев, лишилась сил», почувствовав железные объятия своего отпрыска. (А.С. Пушкин).

Именно детищем революции является для Тютчева Наполеон в одноименном стихотворении. Всего лишь в пяти строках с удивительным мастерством собраны воедино присущие Тютчеву «знойная страсть, суровая энергия и глубокая дума» (Н.А. Добролюбов). Благодаря этому как бы одним росчерком пера дан исключительно емкий и точный своей эпохальной сущностью портрет Наполеона.

Но сын революции он «...с матерью ужасной отважно в бой вступил и изнемог в борьбе». Эта борьба была направлена против тех постоянных судорог, которыми изобиловала общественно-политическая жизнь Франции в 1789–1800 гг. Постоянные восстания, перевороты, чистки государственных учреждений и неумолимо возвышавшаяся над всем этим «Национальная бритва», как в народе называли гильотину делали жизнь до предела тревожной. Эта была вакханалия, в которой переплетались страх, вызванное у немущих крайней нуждой беспредельное отчаяние, а у нуворишей неумная жажда прожигания жизни.

Наполеон вступил в борьбу с этой постоянно сотрясающейся силой с целью упорядочить ее и направить в определенное русло. Здесь Тютчев абсолютно точно передает то историко-философское положение, согласно которому Наполеон обуздал и дисциплинировал революцию, чтобы побить соединенные силы всей Европы (4, с. 108). Но это не было результатом только лишь его умонастроений, пусть даже агрессивных.

Во время революции Национальное собрание стало выдвигать воинственные лозунги (3, с. 179, 234). Речи жирондистов были полны воинственного пафоса и даже Робеспьер не остался в стороне и требовал войны не на живот, а на смерть (7, с. 89). Но что примечательно, тот же Робеспьер искал генерала, «непоколебимого защитника народных прав»! Следовательно, воинственно настроенная Франция искала защитника в войне! И поэтому, явившись, он снискал всеобщее признание! Франции нужен был повелитель, как писал современник Наполеона А. да Ривароль (6, с. 506). Франция приняла именно его, почувствовав, что обретёт желаемое в его железных объятиях. И не было ему равных, хотя бы среди коллег, т.н. «поборников свободы» вроде Бернадотта, (который кстати не возражал стать наследным принцем шведским, каковым его сделал тот же Наполеон), ибо все подчинились ему, хотя бы могли с ним разделаться (6, с. 509). Именно поэтому вся Франция и чуть ли не вся Европа в течение почти двух десятков лет следовали за ним в его порой невероятных предприятиях (5, с. 133-134). Революционный пыл был излит во вне, чтобы разрядить накал изнутри.

Но эта попытка разрядить внутренний накал, эта неугасаемая воинственность, оказались такими же всепоглощающими, как и революционный террор внутри страны. Воинственность как внутренняя, так и внешняя поглотили тех, кого они породили. Революция мать поглотила своих же детей.

В какой-то степени можно сказать, что революция, а именно, её внешнее выражение, война, не пощадила и своего сына, «чудесного баловня побед» (А.С.Пушкин), сыграв с ним злую шутку. Взрастив Наполеона, революция не простила ему его безудержное и головокружительное возвышение. Но в отличии от его предшественников, которых она косила одного за другим, Наполеона, этого баловня, она настигла 22 года спустя после Тулона, при Ватерлоо. В результате, затерянный в океане остров и прикованный к нему Прометей нового времени, «мучим казнью покоя» (А.С. Пушкин). Удел, поистине достойный романтического героя, нечто вроде байроновского Франсуа Боннивары, запечатлённого в «Шильонском узнике». Поэтому столь сильно чувствуется горечь в словах Тютчева: «Не одолел ее твой гений самовластный!.. Бой невозможный, труд напрасный! Ты всю ее носил в себе!»... Видение поэтом личности, ее эпохи выходят далеко за пределы внешней стороны явления. Тютчев мастерски постигает личность Наполеона и эпоху, его породившую. Он исключительно философски уловил трагедию великой личности, состоящей не в одном каком-то военном поражении, а в крушении надежд героя повлиять на ход истории больше того, чем это определено ему верховной волей провидения. Именно поэтому стихотворение Тютчева проникнуто горечью благородного сочувствия. Здесь в поэтической форме передано то положение, согласно которому поражение великой

личности вызвано тем, что честолюбие переживает умственную силу, не пощаженную возрастом, или же опьянение увлекает героя на невозможные предприятия (4, с. 113).

И вот, приговор истории свершился. Герой, бросивший вызов велению времени усмирен, причем самым невероятным образом. Его необъятная, неисчерпаемая романтическая энергия обречена на бездействие. Он казнен покоем. И поэтому вслед за столь динамичными событиями и могучими страстями в стихотворениях Волошина и Тютчева нельзя не обратиться к столь характерному для Пушкина всеобъемлющему, буквально всеохватывающему созерцанию личности Наполеона в стихотворении «Герой». Эпопея кончилась, страсти улеглись. Так что же остается истории и человечеству? Чем Наполеон по мнению Пушкина может запомниться человечеству?

От всеохватывающего взора великого поэта не ускользает ничего. Ни легендарный подвиг Наполеона на Аркольском мосту, когда он подхватил знамя и увлек в атаку войска, тем самым решив исход битвы в пользу французов; ни его триумф на равнинах Италии или у пирамид; ни наделение себя единоличной властью и даже взятие Москвы. Мудрость подхода великого художника поразительна! Он предлагает читателю задуматься над самыми разнообразными свершениями, причём подчас диаметрально противоположными ибо абсолютно разные чувства и мысли могут вызвать такие события как Арколэ и Москва, хотя бы у русского читателя. Но великий поэт не прибегает к каким-либо ограничениям и позволяет читателю обозреть всё. Можно сказать, что в данном случае он придерживается принципа, что «Только великие люди могут иметь великие недостатки» и что «Надеяться, что великие люди не будут иметь никаких страстей, никаких недостатков, значит предаваться наивному восхищению перед ними, которого далеко не заслуживает наша человеческая природа» (4, с. 107).

Обычно, измеряя величие человека, мы судим зараз не только его самого, но и его среду (4, с. 23). Да, за Наполеоном стояла Франция, с её революционными и военными страстями, жадной славы и некой гордостью за то, что именно ею был провозглашён знаменитый лозунг «Свобода, равенство, братство!» Поэтому планы Наполеона нашли благодатную почву в умонастроениях французов.

Но в данном случае читателю предлагается виденье Наполеона не как результат определённой общественно-культурной и исторической среды, а как творения своего собственного духа, благодаря чему деяния героя принимают исключительно индивидуальный, личностный характер, ибо осмысливаются как могущие быть присущи только лишь этой конкретной личности. Выигранные сражения, необъятные империи, самодержавная власть, все эти моменты присущи любому великому полководцу, завоевателю, властелину. Поэтому, перечисляя разнообразные свершения героя, поэт преподносит нам на обозрение поступок, чем еще раз доказывает сколь неисчерпаемы могут быть для гения критерии оценки личности и какого многостороннего подхода требует осмысление личности героя. Наполеон, во время египетского похода, в госпитале пожалвший руку чумному, чтобы поддержать твердость духа солдат, вот истинный герой для Пушкина: «Клянусь: кто жизнью своей играл пред сумрачным недугом, чтоб ободрить угасший взор, клянусь, тот будет небу другом, каков бы ни был приговор Земли слепой».

Поистине замечательный образец умения гениального художника постичь многогранность другого гения и оценить его. Ибо здесь даётся своеобразное пояснение того, почему Наполеон овеян таким романтическим ореолом, в отличие от других полководцев, завоевателей и самодержцев. И делает это поэт, который является великим патриотом своей страны, которую Наполеон в свою очередь пытался поставить на колени. Можно сказать, что Пушкин неизмеримо возвышается при выборе критериев оценки героя. Помня, что его «именем кровавый мир долго, долго будет полн», он обращает внимание на вышеуказанный поступок и скорее не для того, чтобы обелить или вознести героя, а возвысить читателя и сделать из повседневности истории явление, достойное внимания будущих поколений.

Заключение

Но как же суд истории, строгий и порой беспощадный? Могут возразить, что тут отдаёт «наполеоновской легендой». Но всякий герой олицетворяет страну, явление и народ, его породившие. Так и Наполеон, «сын революции», носил её светотени. И говоря о его «матери ужасной» мы в первую очередь должны думать о том, что они оставили человечеству, а не

чего его лишили. Иначе уделом истории остались бы «дела скучно серьёзные и сухо важные» (2, с. 504). Наполеон и соответствующий к нему подход позволяют ощутить «биение пульса мировой жизни» (2, с. 504). Поэтому мудры и бессмертны строки Пушкина: «Тьмы низких истин нам дороже нас возвышающий обман. Оставь герою сердце, что же он будет без него? Тирани!» Гений может быть понят, оценен и описан только лишь гением. И только тогда может быть создан животрепещущий образ, достойный внимания последующих поколений.

Примечания:

1. Андреев А.Л. Место искусства в познании мира. М., 1980.
2. Белинский В.Г. Избранные философские сочинения. Т. I, М., 1948.
3. Жорес Ж. Социалистическая история французской революции. Т. I, М., 1977.
4. Жоли Г. Психология великих людей. СПб., 1890.
5. Ле Бон Г. Психология народов и масс. СПб., 1896.
6. Размышления и афоризмы французских моралистов XVI–XVIII веков. Л., 1987.
7. Серебрякова Г.И. Женщины эпохи французской революции. М., 1964.
8. Трачевский А. Наполеон I. Первые шаги и консульство. М., 1907.

References:

1. Andreev A.L. Mesto iskusstva v poznanii mira. M., 1980.
2. Belinskii V.G. Izbrannye filosofskie sochineniya. T. I, M., 1948.
3. Zhores Zh. Sotsialisticheskaya istoriya frantsuzskoi revolyutsii. T. I, M., 1977.
4. Zholi G. Psikhologiya velikikh lyudei. SPb., 1890.
5. Le Bon G. Psikhologiya narodov i mass. SPb., 1896.
6. Razmyshleniya i aforizmy frantsuzskikh moralistov XVI–XVIII vekov. L., 1987.
7. Serebryakova G.I. Zhenshchiny epokhi frantsuzskoi revolyutsii. M., 1964.
8. Trachevskii A. Napoleon I. Pervye shagi i konsul'stvo. M., 1907.

УДК 93/94

Историческая правда в поэзии Наполеон в стихотворениях Волошина, Тютчева и Пушкина

Иванэ Шотаевич Ментешашвили

Национальный музей Грузии, Грузия
Доктор исторических наук, профессор
E-mail: imenteshashvili@gmail.com

Аннотация. В настоящей статье показано насколько возможно показать в поэзии облеченное в художественную форму историческое явление. В данном случае рассмотрены стихотворения Волошина, Тютчева и Пушкина: «Бонапарт», «Наполеон» и «Герой». Эти стихотворения раскрывают личность Наполеона и исторической среды, в которой протекала его деятельность. В каждом из них он предстает как носитель необъятной романтической энергии, благодаря чему оставляет в истории столь неизгладимый, метеорический след и предстает овеянный неким романтическим очарованием. В то же время в каждом из стихотворений раскрыты различные стороны наполеоновской эпопеи и его деяний. Волошин даёт живописную картину Великой французской революции и присущих ей общественно-политических потрясений, в недрах которой под сенью проведения зарождается новое явление, которое в ближайшем будущем будет олицетворением и носителем воли мировой истории. У Тютчева Наполеон предстает уже вполне сформировавшимся явлением истории, рождением революции, вступившем в отчаянную и в то же время безнадежную борьбу со своей «матерью», в борьбу, в которой герой обречен на трагический исход. В стихотворении же Пушкина, в присущей ему форме эпической правды,

даётся ретроспекция всей наполеоновской эпопеи и всей амплитуды деятельности этой феноменальной личности. А самым замечательным, в плане увековечения предстаёт факт, вроде бы стоящий особняком от множества великих деяний; рукопожатие Наполеона чумному в госпитале в Египте для поднятия боевого духа. Величие показано вроде бы «негероическим» поступком, что в свою очередь является демонстрацией гениального средства великим художника показать величие вроде бы в мало примеченном. Именно оно и является вечным.

Ключевые слова: Наполеон Бонапарт; власть; герой; революция; политическая психология.